

И. Е. Рудковская

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИСТОРИОГРАФОВ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (ОТ Д. ЮМА ДО Н. М. КАРАМЗИНА)

Статья посвящена компаративному анализу терминологических предпочтений историков позднего Просвещения. Автор уделяет преимущественное внимание специфике употребления терминов «система» и «дух» англо-шотландскими и российскими историками от Д. Юма до Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: *система, дух, позднее Просвещение, историографическая традиция.*

Определение тех образцов, которые обусловили появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина как итоговой макроистории позднего Просвещения, вряд ли возможно без вычленения в иных историографических текстах той эпохи наиболее значимых терминов и словосочетаний, отражающих специфику методологических, философских, политических и иных приоритетов их авторов, позволяющих провести компаративный анализ. Отражая специфику научного словаря, научных подходов своего века, они зафиксировали как общий для исторических исследований тех лет вектор изменений, так и индивидуальные выборы отдельных авторов – непосредственных предшественников Н. М. Карамзина британских исследователей Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона и российского историографа М. М. Щербатова. В данной работе анализируются лишь два термина: «система» и «дух», – которые, без сомнения, могут быть признаны визитными карточками «Истории государства Российского», позволяющими выявить и взаимосвязь с произведениями англо-шотландской историографической школы, и специфику труда Карамзина.

Значимым представляется сам факт выделения историками тех или иных систем, стремление определить их роль в развитии того или иного государства или гражданского общества. Использование термина «система» характерно уже для статей в «Энциклопедии», написанных Ф. Вольтером, аббатом де Прадом, Ж. М. Мармонтелем, Л. де Жюкурром, Д. Дидро, неизвестным автором статьи «Христианство» [1, с. 13, 47, 61, 82, 86, 111]. Ф. Вольтер в статье «История» в связи с начатой Генрихом IV большой войной отмечал, что она «должна была изменить европейскую систему» [1, с. 13], писал о появлении начиная с XV в. системы равновесия, неизвестной древним, вследствие стремления объединиться против чрезмерно усилившейся державы.

В тексте «Истории Англии» Д. Юма термин «система» встречается регулярно. Историк выделял общую систему европейской политики, особую систему части европейских государств, английскую систему правления, систему управления

отдельного государя, феодальную систему, систему английской юриспруденции, систему религии, епископальную систему церковного управления, обычную систему казуистики [2, с. 217, 251, 317–318, 489, 584; 3, с. 8; 4, с. 294–295; 5, с. 18, 58, 113]. Он фиксировал случаи невозможности свести некие явления (например, суеверия у древних германцев) в некую систему, отмечал отсутствие достаточных сведений, например, о системе догматов, считавшихся священными у саксов [2, с. 26–27]. О трактовке Д. Юмом понятия «система» можно судить по его характеристике конституционного устройства Англии времен Якова I. Он отмечал, что «тогдашняя английская конституция представляла собой внутренне противоречивую систему, нестройные и несогласные элементы которой должны были вскоре разрушить друг друга и на развалинах старой формы правления породить новую, более упорядоченную и единообразную» [5, с. 52]. Как видим, совокупности, не являющейся системой с точки зрения современных представлений, Д. Юм противопоставлял прообраз будущей системы, долженствовавшей сменить былую неупорядоченность.

Поистине узловым понятием, если воспользоваться термином Р. Козеллека, «система» становится в трудах В. Робертсона. Особенно значимой представлялась историку та общая система, часть которой составляло каждое королевство в Европе. В предисловии к «Истории государствования императора Карла V» Робертсон ввел термин «система» в качестве ключевого слова, объясняющего читателям авторский замысел. Он отметил (и повторил затем почти дословно в конце своего труда, подводя итоги), что именно при Карле V европейские государства «образовались в одну великую политическую систему, где каждое из них заняло определенное место, которое с того времени и удерживает». В. Робертсон считал целесообразным ограничить подробное изучение истории тем временем, когда европейские государства «нечувствительно готовились к образованию государственной системы для установления и сохранения равновесия в могуществе», т. е. правильной системы общественной безопасности, и вошли в тесные связи

между собою [6, с. 9–10, 85, 88; 7, с. 235]. В. Робертсон ясно дал понять, что именно он вкладывает в понятие «система»: «Различные ее государства в это время образовались в одно великое, стройное целое; действия каждого из них, по определенному его положению, стали ощутительнее для всех прочих и получили сильное влияние на их политику» [6, с. 85–86]. Акцент на взаимосвязи между элементами системы помогал историку отбирать значимый материал, позволяющий представить читателям варианты взаимодействия между государствами, вошедшими в выделенную им систему. Уже в «Истории Шотландии» он стремился определить место Шотландии в этой системе, писал о системе отношений других европейских государств к шотландским делам, о системе действий, применявшихся в Италии, о миролюбивой системе англичан, папистской системе [8, с. 89, 92, 96, 166, 206; 9, с. 40]. Значимым в его работах было выделение феодальной системы управления, неправильной и жестокой системы, основывавшейся на феодальном законе, особенной системы ослабления власти знати [8, с. 17, 34, 39, 44, 46–47, 50, 58, 196; 10, с. 27]. Кроме того, В. Робертсон выделял (чаще в «Истории Америки») систему правления, политики (в том числе и внутренней), либеральную систему гражданской политики, гражданского управления [10, с. 55; 11, с. 253, 304; 12, с. 208, 238; 13, с. 5, 8, 21, 65, 192, 219, 223, 245, 266, 286], законченную систему не только духовного предписания, но и гражданского здравого смысла и образа правления, реформированного государственного устройства [13, с. 267, 304]. При воссоздании истории Америки он считал необходимым отметить формирование регулярной системы для продолжения открытий, системы основательной, но ревнивой политики управления доминионами в Новом Свете, американской системы испанского двора (прежней и новой), внезапное изменение системы Великобритании [11, с. 59, 73, 253; 12, с. 365; 13, с. 36, 306]. Рассматривая политику европейцев в колониях как пагубную систему, систему угнетения, разрушения, войны [11, с. 296, 314; 14, с. 59, 153, 231; 13, с. 6], историк тем самым фиксировал сложившийся вариант долговременной политики, а не цепь отдельных, не связанных между собою действий.

Пресвитерианский священник, В. Робертсон и в области религиозных верований, церковной организации стремился во всех своих исторических трудах выявить значимые системы: древнюю систему религии, богословскую систему идолопоклонников, систему религии и управления, новую систему веры, систему Реформации, модель системы, названной пресвитерианской, систему, столь превосходно подходящую к преобладающей стра-

сти протестантов, систему шотландского реформатора Д. Нокса [7, с. 1, 9, 140; 8, с. 73, 108; 9, с. 33, 39–42, 73, 108, 143; 10, с. 260; 12, с. 329; 13, с. 251–252, 260, 289, 309; 14, с. 188, 189, 193, 197]. Выделял историк и систему действий названных историком отдельных лиц, групп (например, монархов, миссионеров) [9, с. 144; 11, с. 94, 99, 307, 318, 323, 326, 357; 12, с. 66, 131; 14, с. 187], и систему взглядов на расселение населения Земли, принятую наиболее просвещенными философами, историками, географами в Греции и Риме [11, с. 32].

В «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона значимость термина «система» была предопределена сложностью римской истории, множественностью пересекавшихся в ней политических, этнических, религиозных и других традиций, скептическим отношением историка к упорядоченности чисто хронологической, провоцировавшим поиск новых вариантов организации текста. Определяя специфику позднего Рима, Э. Гиббон выделял тогдашнюю систему мира, политическую, монархическую системы, систему управления (римского, императорского, гражданского, в Персии и т. д.), систему искусственного чужеземного воспитания, систему германских нравов; феодальную систему и др. [15, с. 53, 55, 57–58, 76–77, 101–102, 106, 111, 114–116, 161, 163, 195, 233, 238, 240, 250–251, 353, 374–376, 410, 412, 414; 16, с. 27, 37, 38, 94, 98, 101, 136–137, 148, 190, 236.]. Он писал и об «основной системе Августа», разработанной для окружающего Римскую империю мира [15, с. 53, 55, 57], и о системе управления, которую Август основал для «внутреннего пользования» [15, с. 114–115; 16, с. 148], дал характеристики системам Диоклетиана и Константина.

Основными «партнерами» систем управления в труде Э. Гиббона были религиозные системы, перечень которых уже в первых двух томах его «Истории» поражает своим многообразием. Здесь и мифологическая система, и система многобожия, религиозная, философская система, система вселенной, религиозная система германцев, персов, система Зороастра, система Моисеева законодательства (система законов и обрядов), суровая система стоиков, богословская система (в том числе Платона и его последователей, императора Юлиана), христианская система как новая система истины и совершенства, мира и милосердия, благотворная и всеобщая система национальной нравственности, система Евангелия, «три отдельные, но несовершенные системы касательно свойств божественной Троицы», система сабеллиан, восемнадцать различных религиозных систем, Эдда как остроумная историческая система, системы германской древности, целые системы во Франции, основанные на вымыслах, фантазии, система религиозной

терпимости, новая система гонений, система церковной юриспруденции и др. [15, с. 120–121, 228, 231, 245, 254, 265, 268–269, 275–276, 280, 284, 346, 349–350, 378, 382, 412; 16, с. 10–12, 16, 18, 22, 28, 50–51, 57, 60, 81, 106, 111, 235, 258, 278–279, 281, 347, 349, 364].

Выделенный Э. Гиббоном комплекс систем явился, таким образом, следующим шагом на пути введения в исторические исследования понятия «система» в качестве важного инструмента анализа феноменов прошлого. Однако данный термин еще не вошел в терминологический словарь большинства его коллег, работавших одновременно с ним. В «Истории» М. М. Щербатова в отличие от работ британских историков использование термина «система» не отмечено. Там, где они предпочли бы ввести в текст термин «система», Щербатов писал о порядке. Он неоднократно и весьма критически писал о порядке наследования великокняжеского престола, стремясь обнаружить причину «толикаго страннаго порядку в наследстве», подчеркивая в своем труде: «за главную притчину всех неустройств и разорения России, почитаю я некоторой порядок наследства на первостепенный престол, которой в обыкновении в России был» [17, с. 254–255, 303].

Анализ текста главного труда Н. М. Карамзина со всею очевидностью доказывает, что он не мыслил процесса создания отечественной истории без выявления важнейших систем, определявших ее развитие. Термин «система» в «Истории государства Российского» встречается регулярно и несет чрезвычайно значимую смысловую нагрузку: явления отечественной истории впервые в нашей историографии выделяются и представляются им в качестве системы, некоего значимого единства. Сам процесс историописания представлялся Карамзину как процесс преодоления некоего хаоса: создавая свой исторический труд, он, по его словам, «желал преданное веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей» [18, с. 20]. Карамзин считал необходимым вести речь и о хронологической системе, и об общей системе географии, и о системе географических представлений отдельного историка [18, с. 15, 234, 286]. В центре его внимания была политическая система, причем отнюдь не только отечественная: он выделил политическую систему Европы и Азии, общую государственную систему Европы, систему Государств Христианских, купеческую систему Европы Северной [19, с. 67, 200; 20, с. 5, 208, 213; 21, с. 470]. Применительно к политическому пространству нашей страны историк вел речь о государственной системе в целом, системе великого и удельных княжений, Галича, Новгорода (признанной им особенной, нетвердой) [22, с. 52; 19, с. 104, 117, 148, 159,

164, 176, 206; 20, с. 20, 61, 81, 144–146, 207; 21, с. 447]. Не были им обойдены и система внешней политики, система войны и мира [22, с. 15, 68; 20, с. 5, 52, 81, 210]. Он выделил, кроме того, систему нашего древнего законодательства, «братную коварную систему», «систему осторожности», присущую отдельному князю, старую мятежную систему наследственную, новую систему наследства, благоприятнейшую для общего спокойствия и даже «особенную систему нравоучения» в народных пословицах [19, с. 104, 144, 223; 21, с. 42, 410].

Особенно значимой представлялась Карамзину «Система Феодальная, Поместная или Удельная», бывшая, по его словам, «основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские», «общее в Европе», а в России являвшаяся характером первой из выделенных им эпох – от Рюрика до Иоанна III [18, с. 21, 95, 292]. Выделяя Удельную Систему, Систему Уделов, Поместную систему как долговременный феномен российской истории [18, с. 21, 95, 164, 292; 21, с. 97, 181, 463; 19, с. 8, 98; 23, с. 133; 24, с. 63; 25, с. 160], он характеризовал ее однозначно негативно, хотя и признавал соответствующими «с обстоятельствами и духом времени», которые определялись прежде всего тем, что «еще не было ни удобного сношения между владениями одной Державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях» [18, с. 95]. Обратив, таким образом, внимание читателей на несовершенство коммуникативного, правового и иерархического пространств раннефеодальных государств как причину сохранения данной системы, Карамзин воспроизвел далее историю ее постепенного разрушения. Владимир Мономах, подчеркнул историк, утвердив свое могущество внутри государства, не думал переменить «системы наследственных Уделов, столь противной благу и спокойствию отечества», поскольку «долговременное обыкновение казалось тогда уже законом», а Мономах «не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современников неверному счастью потомства» [21, с. 97]. Андрей Боголюбский отменил «несчастную Систему Уделов», «княжил единовластно, и не давал городов ни братьям, ни сыновьям», однако только в масштабах своей области [21, с. 181]. Карамзин очертил и возможную альтернативу последующего развития российской истории: «Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил Систему Уделов в своих областях; если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди: то они могли бы восстановить Единовластие» [21, с. 463]. Только в начале правления Дмитрия Донского, согласно Карамзину, мысль великого князя или умных бояр его «мало по малу

искоренить систему Уделов, оказалась ясно» [19, с. 8]. Характеризуя время правления его сына, Василия Дмитриевича, Карамзин подчеркнул: «Одним словом, Удельная Система вообще клонилась тогда в России к падению» [19, с. 98]. Карамзин резко отрицательно оценил восстановление уделов Василием II, который, полагал историк, «следовал древнему обыкновению, не имея твердости быть навеки основателем новой, лучшей системы правления, или Единовластия», поскольку «думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе» [19, с. 194]. Особо выделяя среди героев отечественной истории Иоанна III, Карамзин видел его заслугу в том, что тот присоединением уделов «искоренял все остатки сей несчастной для Государства системы», «вводил единство в систему внешней Политики», изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира» [20, с. 52, 111, 210]. Итогом правления Иоанна III, таким образом, стала, в трактовке Карамзина, системная перестройка политической сферы России.

Другим ключевым термином, предопределившим специфику историографических текстов позднего Просвещения, является термин «дух» (*spirit, genius*). Предшественники «Исторического триумвирата Британии», французские энциклопедисты, также использовали этот термин, он был даже введен в название самого известного сочинения Ш. Монтескье, где автор отмечал, что «дух монархии – война и расширение территорий; дух республики – мир и умеренность», что «дух приобретения связан с духом сохранения и пользования, а не духом разрушения» [26, с. 270]. В статьях, написанных для «Энциклопедии» Ф. Вольтером, Ж.-М. де Прадом, Д. Дидро, Л. де Жокурмом и др., встречаем «дух времени», «дух века», «партийный дух», «дух общительности», «дух гостеприимства и щедрости», «дух алчности, продажности, скупости», «рабский дух», «справедливый и бескорыстный дух», «дух правления», «дух демократии», «дух равенства», «дух неравенства, ведущего к аристократии», «дух чрезвычайного равенства, ведущий к деспотизму одного», «дух мягкости и умеренности», «дух нетерпимости», «дух терпимости», «дух христианства», «дух законов христианства», «дух народа», «дух доброты и умеренности» [1, с. 12, 16, 49–50, 64, 71, 91–92, 104–105, 108, 114, 117, 119, 122]. Данный термин до сих пор иногда встречается в исторических работах [27, с. 137], не являясь эксклюзивной особенностью трудов эпохи Просвещения. Однако частота употребления данного термина, преимущественное введение его в ключевые фразы, несущие особую смысловую нагрузку, позволяют говорить о том, что значимость данного элемента текста для «Ис-

торий» эпохи Просвещения несопоставимо выше по сравнению с исследованиями предшествующих и последующих эпох. Великие британцы придали данному термину статус важной составной части понятийного аппарата историка. Термин «дух» позволял им вычленив определяющие черты того или иного периода ярко и афористично, что оптимально соответствовало их просветительским целям.

Именно понятие «дух» может быть признано своеобразной визитной карточкой «Истории» Д. Юма как по частоте употребления, так и важности тех контекстов, в которые он вводился, что позволяло историку выделять специфику того или иного времени: варварский, неистовый, пылкий, любознательный, романтический дух века, общий дух времени [2, с. 255, 357, 385, 402; 3, с. 7; 5, с. 109]. Стремление передать дух века вызвало появление в труде Д. Юма разделов, где он описывал отдельные случаи, которые не могли быть включены «в основную часть нашей истории» [2, с. 402]. Для историка было важно передать «воинственный и беспокойный дух английской нации», народа, национальный, патриотический дух [2, с. 378; 3, с. 39; 4, с. 287; 5, с. 44, 449], общий, подлинный дух конституции, общий дух партий [2, с. 520; 5, с. 13, 80], дух усовершенствований и инноваций [28, с. 294], дух строго ограниченной монархии [29, с. 131]. В событиях минувшего историк видел проявление духа независимости, свободы, яростного республиканского духа, упрямого и агрессивного духа палаты общин, духа партийных раздоров [2, с. 437; 4, с. 19, 26; 5, с. 12, 18, 37, 58, 124; 28, с. 235, 237], духа недовольства, недоверия и мятежа, сопротивления, восстания, мщения, насилия и честолюбия [2, с. 354, 358, 399; 4, с. 13, 15], духа войны, раздора и гражданского междоусобия, раскольнического, зловредного духа [2, с. 9, 25, 46, 96, 253, 380, 393, 433; 5, с. 69], духа суеверия, религии, религиозного фанатизма, угрюмого духа благочестия, духа реформации, нерасположенного к клерикальной узурпации [2, с. 251, 357; 3, с. 43; 4, с. 25, 43, 220, 232, 275; 5, с. 58, 63, 110–111]. Д. Юм полагал, что «под действием крайнего религиозного фанатизма в народе утверждается суровое и мрачное настроение, дух упрямый и опасный, буйный и строптивый, движимый одновременно презрением к авторитету и ненавистью ко всякой иной религии, в особенности католической» [5, с. 59].

Термин «дух» позволял Д. Юму определить и общий настрой в социуме, когда «дух народа сильнейшим образом тяготел к свободе» [4, с. 287], и особенности нравственных выборов, преобладавших черт людей изучавшейся эпохи. Историком воссоздавался великий, великодушный, величественный, возвышенный, высокий, но беспорядочный, пылкий, ревностный, искренний дух, полный

энтузиазма [2, с. 351, 353, 361, 425, 437, 549, 562; 4, с. 13, 39; 5, с. 68; 28, 339; 29, с. 345], в то же время амбициозный, беспокойный, бесстрашный, бурный, героический, мужественный, неистовый, ненасытный, непокорный, нестигаемый, нетерпеливый, неугомонный, неумолимый, отважный, предприимчивый, сильный, смелый, суровый дух [2, с. 8, 66, 77, 88, 230, 240, 317, 357, 380, 385, 562; 3, с. 4, 515; 4, с. 6, 13–14, 35, 43, 50, 356]. Историка интересовал человеческий дух в разных его проявлениях, его сила и слабость, дух отдельных личностей [2, с. 66, 84, 241, 327, 328, 331, 395, 396; 5, с. 24, 125–126, 319; 28, с. 112, 243], рыцарский дух [2, с. 329; 5, с. 112], дух первых поэтов и ораторов [2, с. 125] и т. д. Поскольку, как отмечает П. П. Гайдено, согласно номиналистическому постулату Юма, «не разум, а воображение оказывается той способностью, которая играет в познании ключевую роль», и «образы воображения, а не понятия рассудка суть средства, которыми мы располагаем, для получения знания о предмете рассуждения» [30, с. 122, 126], термин «дух» использовался им значительно чаще, чем вполне рассудочное понятие «система»: он нес в себе тот эмоциональный потенциал, который представлялся историку первостепенно важным при воссоздании прошлого.

Как и в «Истории» Д. Юма, в трудах В. Робертсона термин «дух» стал наиболее заметным терминологическим предпочтением автора. Разнообразие сюжетов и значительное расширение географии исторических исследований позволили В. Робертсону заметно расширить диапазон вариаций. Дух века (того века), пылкий дух века, наиболее глубокий и самый предприимчивый дух того века, дух времени – это, по В. Робертсону, дух нового времени, преимущественно XVI в., когда максимально проявился «любопытный дух Европейцев», «дух, приготовивший Европу к будущим открытиям» [6, с. 72; 7, с. 206; 8, с. 40, 141, 196; 10, с. 121; 11, с. 42, 327; 13, с. 143]; это – дух жизни, дух новизны, нововведений, пылкий, смелый дух либерального, свободного исследования и литературных усовершенствований, дух любопытства, открытий, приключений [6, с. 17, 74; 8, с. 142; 10, с. 122, 125, 131, 260; 11, с. 5, 51, 55, 63, 71, 85, 257, 272, 349; 12, с. 76, 101, 209; 13, с. 4, 260]; это – дух торговли, коммерции, промышленности, алчности, амбиций, соперничества, дух частных предпринимателей, изобретательный, деятельный, предприимчивый, пиратский дух, дух миграции [6, с. 35, 74, 75, 77, 78, 79, 131, 150, 163; 11, с. 5, 15, 25, 41, 53, 70, 93, 263, 268, 269, 331, 357; 12, с. 55, 209; 13, с. 4, 137, 140, 303]; это, наконец, – дух темных замыслов, твердый, неподдающийся дух [9, с. 124–125, 181].

Углубление в Средневековье заставляло вводить в текст дух варварских институтов, дух феодализма, феодального правления, феодальной политики, «дух зависти и соревнования, свойственный Феодализму», «кичливый дух феодального дворянства» [6, с. 39, 56, 96, 98; 8, с. 15, 81; 10, с. 18; 14, с. 121, 198]. Сущность политических и правовых реалий доносилась до читателя с помощью словосочетаний: дух конституции, права, законов, новых статуты, судопроизводства, дух учреждения государственного, дух монархии, аристократический дух правления, дух республиканского правления (республиканский дух), дух парламента, дух свободы, независимости, дух оппозиции короне, деспотический дух, дух властолюбия, дух безначалия, дух недовольства, дух умеренности, дух партий, дух народа (неукротимый, мятежный, строптивый и т. д.), национальный, патриотический дух [6, с. 38, 40, 63, 111, 114, 122–123, 124, 128–129, 141–143, 153, 155, 171, 173, 174, 177; 7, с. 242; 8, с. 15, 81, 184, 196, 213, 218, 222; 9, с. 10, 28–29, 41, 59, 71, 133, 183, 307; 11, с. 5, 24, 77; 12, с. 4, 23, 185, 208, 217–218, 238, 266; 13, с. 202, 244, 309; 14, с. 230]. Как протестантский священник, он уделял много внимания религиозным проблемам былых эпох, поэтому в его текстах встречаем: религиозный дух, дух Бога, религии, вероисповедания, дух веры Христианской, Христианства, Евангелия, нетолерантный дух Римской католической религии, дух преобладания Римского Двора, дух папизма, Папского правления, дух фанатизма, дух терпимости, стремительный дух реформации, дух Магометанства [6, с. 19, 45, 87, 119, 123, 141–142; 7, с. 140; 8, с. 200; 9, с. 32, 34, 41, 62, 71, 407; 11, с. 296; 13, с. 8, 262, 286, 289; 31, с. 59]. Многочисленны у В. Робертсона вариации духа агрессии или его антипода: воинственный дух, дух военных действий, «дух, более восприимчивый к усовершенствованиям в военном искусстве», безнравственный дух солдат, жестокий, кровожадный, мужественный, амбициозный, дерзкий, непреклонный, неустрашимый, непокорный, неистовый, мятежный дух, дух разногласий, подозрительности, недовольства, зависти, мщения, мятежа, оппозиции, вражды, дух медлительности, недоверия и нерешительности, дух, не любящий войну (unwarlike) [6, с. 45, 50, 53, 68, 175–176; 7, с. 25; 8, с. 18, 42, 59, 184, 222; 10, с. 65, 122, 166, 260, 264; 11, с. 33, 41, 52, 55, 59, 77, 162, 296; 12, с. 4, 23, 37–38, 156, 171, 185, 208, 218, 223, 248, 262, 350; 13, с. 192; 14, с. 150, 162]. В. Робертсону было важно показать значимость личностного фактора в истории, роль отдельных социальных слоев, специфику разных народов, что провоцировало использование термина «дух» в самых различных сочетаниях: дух человеческий, дух отдельных личностей, люди

духа; природное величие, пылкость, твердость духа; дух монархов, аристократии, дворян, рыцарства, шотландцев, французов; великий, восторженный, высокий, высокомерный, находчивый, независимый, неразвитый, нетерпеливый, обстоятельный, подавленный, свирепый, слабый, смелый, стремительный, суровый, трусливый дух [6, с. 38, 67–68, 101, 104, 123, 147, 179, 185; 8, с. 34, 40, 68, 72, 78, 87, 133, 166, 193; 9, с. 22, 41, 61, 141, 147, 163, 222, 309, 324, 361, 368, 409, 416; 10, с. 28, 138; 11, с. 56, 59, 68, 74; 12, с. 55, 68, 99, 178, 197; 13, с. 94, 131, 252; 14, с. 153, 231]. Термин «дух» позволял В. Робертсону афористично выражать свои мысли: «Дух свободы бодрствовал в народе Испанском, дух независимости не упал между дворянами» [6, с. 155]. Он был столь значим для историка, что ему давались порой чрезвычайно объемные определения: «Вольный дух, не признающий подчинения и презирающий ограничения закона и справедливости» [9, с. 58]. Нередко В. Робертсон использовал термины «система» и «дух» как взаимодополняющие: с его точки зрения, именно «дух исследования оказался фатальным для папистской системы» [9, с. 40].

Э. Гиббон также отдал дань этому терминологическому пристрастию, акцентируя внимание читателя на особенностях времени: «дух древнего времени», «дух того времени» [15, с. 76, 300]. Фиксировались и проявления этого духа: дух усовершенствований, дух предприимчивости, дух исследований, дух критики [15, с. 76, 94, 223, 244]. Политическая сфера Рима привнесла общий дух управления, дух самовластного правительства, дух администрации, дух партий, дух законов, республиканский дух, дух свободы, независимости, умеренности, воздержанности [15, с. 52, 66, 92, 103, 129, 157, 214, 371, 389; 16, с. 159, 184, 339]. «Дух» определял и пространство войны: воинственный дух, дух своеволия, мятежа, бодрость духа, «последние остатки воинского духа» [15, с. 16, 64, 101, 176, 178, 226, 262, 280; 16, с. 186, 229–230, 239]. Особенно насыщено проявлениями духа религиозное пространство: заразительный дух идолопоклонства, дух политеизма, дух христианства, дух церковной дисциплины и церковного законодательства, дух сектаторства, пагубный дух раздора, дух раздора и непостоянства, создавший в течение нескольких лет восемнадцать различных религиозных систем, дух религиозной нетерпимости, дух преследований, дух римских гонений, дух озлобления, фанатизма, мягкий и самый либеральный дух религиозной терпимости, нищие духом [15, с. 77, 232, 362; 16, с. 21, 28, 60, 65, 87, 96, 101, 249, 261, 267, 281, 285, 312, 322, 378]. Как и В. Робертсон, Э. Гиббон обращал внимание на особенности тех или иных народов: дух народа, национальный дух,

дух и характер кельтов, скандинавов и германцев [15, с. 119, 223, 256; 16, с. 140].

В отличие от представителей англо-шотландской историографической школы М. М. Щербатов довольно редко прибегал к использованию термина «дух»: первые три объемных тома его «Истории» дают результат, несопоставимо скромный по сравнению с любым из томов британских историков: дух вольности, дух возмущения и буйства, дух мучительный и жадный к крови, твердый дух, храбрый дух, дух неустрашимости, дух неумеренной набожности, дух унылости, дух монашеской [17, с. 323, 527, 574–575; 32, с. 25, 66, 209, 315, 368; 33, с. 129; 34, с. 280; 35, с. 148, 150].

В труде Н. М. Карамзина термин «дух» встречается как в тех же словосочетаниях, что у британцев, так и в иных, позволяя раскрывать и специфику отечественной истории, и ее общность с европейской, всемирной историей. Создавая «Историю государства Российского», он, по его словам, «искал духа и жизни в тлеющих хартиях» [18, с. 20]. Поэтому для Карамзина термин «дух» – из числа определяющих текст его труда: он позволял передать прежде всего дух времени [18, с. 95, 120; 21, с. 92; 20, с. 162–163], общественный дух Государств, древней Удельной Системы, внешней Политики Российской [20, с. 209; 25, с. 160; 36, с. 229–230; 37, с. 27], дух царедворческий и дух народный [25, с. 164; 37, с. 168], дух вольности, свободы, независимости, братства и дух рабства [19, с. 192, 203, 215; 20, с. 85; 23, с. 11], человеколюбивый дух Христианства, братский дух Единоверия, ревностный дух Христианского братства, дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах Христианства [18, с. 93; 19, с. 159; 20, с. 122, 124; 23, с. 71]. То пространство войны, внешней и внутренней, которое воссоздавалось в «Истории» Карамзина, также давало возможность расширить сферу применения этого термина: воинственный, воинский, ратный дух, пламенный дух воинственного братства, дух Воевод и воинов, дух несогласия, раздора, буйности, пылкий, бурный, беспокойный, опасный, крамольный, мятежный дух (дух мятежа), дух кротости и мира [18, с. 88, 101, 120, 127, 158, 251; 19, с. 78, 91, 156; 20, с. 84, 113, 162, 218; 21, с. 12, 95, 111, 119–120, 127, 171, 386, 400, 425, 478; 22, с. 66; 23, с. 46, 88, 134; 24, с. 120, 139, 216; 25, с. 281, 395; 36, с. 116, 165; 38, с. 89, 220, 236]. Личностный фактор, особенности поведения героев труда Карамзина также предопределили специфику его текста: выделялся и дух отдельных лиц (А. Адашева, С. Батория, В. Шуйского и др.) [25, с. 15; 36, с. 48, 111; 37, с. 171, 207; 38, с. 40, 153, 195, 199], и дух Рыцарства, дух любви и братства [19, с. 213; 38, с. 116]. Были отмечены историком и различные состояния духа: благородство,

бодрость, твердость, слабость, малолетство, смятение, сокрушение, уныние, расслабление, общее падение духа [19, с. 7; 25, с. 141; 36, с. 3–4, 160, 260; 37, с. 100, 197; 38, с. 114, 190].

Анализ использования авторами макроисторий позднего Просвещения терминов «система» и «дух» подтверждает предположение о большей предопределенности нарратива Н. М. Карамзина англо-шотландскими образцами эпохи позднего Просвещения, нежели трудом его соотечественника М. М. Щербатова. Использование термина «система» характерно для всех сопоставлявшихся текстов, за исключением труда М. М. Щербатова. Стремление выделить в оте-

чественном прошлом те или иные системы свидетельствует о попытках Н. М. Карамзина выйти на тот уровень обобщений, который не был прежде присущ отечественным историческим исследованиям. Именно для текстов британских историков характерно представление о том, что дух века, дух народов и партий, дух отдельных личностей как квинт-эссенция внутренних доминант движет историей, тогда как в тексте «Истории» Щербатова этот термин имеет явно второстепенное значение. Очевидно, что в данном отношении Н. М. Карамзин следовал не отечественной традиции, а образцам, предложенным великими британцами.

Список литературы

1. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. 312 с.
2. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L. 1830. V. I. – XXIV. 608 p.
3. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L. 1830. V. IV. – VIII. 564 p.
4. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L. 1830. V. V. – VIII. 560 p.
5. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб., 2001. Т. 1. 563 с.
6. Робертсон В. История государствования императора Карла V. М., 1839. Т. I. – XXI. 366 с.
7. Робертсон В. История государствования императора Карла V. М., 1839. Т. IV. – XI. 343 с.
8. Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Edinburgh – L., 1819. V. I. 222 p.
9. Robertson W. The history of Scotland... Vol. II / Ibid. Edinburgh – L., 1819. V. II. 430 p.
10. Робертсон В. История государствования императора Карла V. М., 1839. Т. II. – XII. 293 с.
11. Robertson W. The history of America. Vol. I. // Robertson W. The works... V. VIII. Edinburgh – L., 1819. 374 p.
12. Robertson W. The history of America. Vol. III. // Ibid. Edinburgh – L., 1819. V. X. 427 p.
13. Robertson W. The history of America Vol. IV. // Ibid. Edinburgh – L., 1819. V. XI. 402 p.
14. Robertson W. The history of America Vol. II. // Ibid. Edinburgh – L., 1819. V. IX. 427 p.
15. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1993. Ч. I. 428 с.
16. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1993. Ч. II. 384 с.
17. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб. 1805., Т. II. – 575, 14 (б/н), 54 (б/н) с., 8 табл., 14 (б/н) с.
18. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. 640 с.
19. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. 560 с.
20. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998. Т. VI. 468 с.
21. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. II–III. 832 с.
22. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV. 480 с.
23. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1830. Т. VII. – 264, 48 с.
24. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1830. Т. VIII. – 362, 51 с., 9 табл.
25. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1831. Т. IX. – 544, 96 с.
26. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 157–733.
27. Борисов Н. С. Некоторые истоки религиозно-политических взглядов Ивана Грозного // Особенности рос. истор. процесса: сб. ст. памяти акад. Л. В. Милова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 136–162.
28. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L., 1830. V. II. – VIII. 630 p.
29. Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. L., 1830. V. VI. – VIII. 502 p.
30. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс – Традиция, 2007. 464 с.
31. Робертсон В. История государствования императора Карла V. М., 1839. Т. III. – XII, 378 с.
32. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III. – 14 (б/н), 514 с.
33. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V, ч. I. 556 с.
34. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V, ч. II. – XII. 444 с., 3 табл.
35. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. VII, ч. II. 444 с.

36. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1831. Т. X. – 320. 59 с.
37. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1831. Т. XI. – 356. 52 с.
38. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1831. Т. XII. – 382. VII. 64 с.

Рудковская И. Е., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: iri-rudkovskaya@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21.05.2010.

I. Ye. Rudkovskaya

**THE TERMINOLOGICAL PREFERENCES OF THE HISTORIANS OF THE LATE ENLIGHTENMENT
(FROM D. HUME TO N. M. KARAMZIN)**

The article is devoted to the comparative analysis of the terminological preferences of the historians of the last Enlightenment. The author pays primary attention to the peculiarity of the usage of the terms «system» and «spirit» by the Anglo-Scottish and Russian historians from D. Hume to N. M. Karamzin.

Key words: *system, spirit, last Enlightenment, historiographical tradition.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.
E-mail: iri-rudkovskaya@yandex.ru